

Н.В. Мотрошилова

ГЕГЕЛЬ И ШЕЛЛИНГ О ДЖОРДАНО БРУНО: ДВА ФИЛОСОФСКИХ ПОРТРЕТА В ИНТЕРЬЕРАХ ЭПОХИ И «ВЕЧНОСТИ»

Мотрошилова Неля Васильевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора истории западной философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: motroshilova@yandex.ru

Два философских образа Джордано Бруно как «героической личности» и его идей о целостной «жизни универсума», созданные соответственно Гегелем (в лекциях по «Истории философии») и Шеллингом (в диалоге «Бруно»), рассматриваются в их парадигмальном значении для истории философии и для развития современной философской мысли. Центральный пункт гегелевского понимания роли Бруно в истории философии – это идея конгруэнтности личности Бруно и его философских принципов «абсолютного, универсального единства всех вещей». Диалог «Бруно» расценивается как важнейшая веха раннего философского развития Шеллинга, приобретающая транслисторическое значение для тех философов, которые стремятся установить единство мира и разума, материи и формы, природы и человека. К рассмотрению привлекаются классические бруноведческие произведения, связанные с именами П. Бейля, Д. Дидро, а также относящаяся к теме вопроса литература на немецком и итальянском языках, неизвестная в России.

Ключевые слова: Бруно, Гегель, Шеллинг, единство мира, героическая личность, трансцендентальный идеализм, принцип свободы

Примечательный и поучительный факт из истории философии: два великих немецких мыслителя, Гегель и Шеллинг, создали философские портреты Джордано Бруно, которые не потеряли своего парадигмального значения вплоть до наших дней. Обладая многими общими чертами, оба изображения привлекают интерес также благодаря их различиям и специфике.

Гегелевский портрет Бруно и его философии – это не основательное специальное сочинение по истории философии, а скорее обобщенный набросок (пятнадцать страниц в его «Истории философии»), сравнимый с ценным графическим рисунком, сделанным действительно талантливым или даже гениальным художником. Его предваряет в «Истории философии» компактный и в то же время великолепно вычерченный образ Ренессанса как эпохи – выражаясь собственными словами Гегеля, «возврата блестящего и славного дня» истории. Итак, гегелевский портрет Бруно заключен в рамку интерьера, коим

стал «дух» (Geist) Ренессанса, в свою очередь противопоставленный ранее набросанной (более детальной) картине схоластической философии, а также последующим главам, посвященным той эпохе, которую мы теперь называем the Modern Age.

Будет показано, в сколь значительной мере этот гегелевский портрет был «персонализирован», в то же время оставаясь типологическим – в соответствии с идеей, которая глубоко укоренена в истории философии Гегеля (и не только его). Это – идея об изначальной взаимосвязи личности Бруно и его уникальной философии. По контрасту с гегелевским изображением, шеллинговский образ Бруно, очищенный от конкретных личностных черт, является интегральной частью произведения Шеллинга, написанного в форме чрезвычайно сложного философского диалога, в котором четыре участника ведут оживленную дискуссию, защищая различные и в то же время взаимодополняющие философские позиции. Сама диалогическая форма, вне всякого сомнения, является данью уважения по отношению к Бруно, в частности к его выбору этого «платоновского» жанра для многих своих философских размышлений и дискуссий. (Далее произведение Шеллинга будет именоваться у нас Диалогом.)

Среди персонажей шеллинговского Диалога есть один, прямо названный «Бруно» – он сначала «присутствует» как молчаливый гость, а потом становится активным и красноречивым участником весьма специальной, причудливой дискуссии. Шеллинг дал Диалогу заголовок «Bruno oder über das göttliche und natürliche Princip der Dinge. Ein Gespräch» («Бруно, или О божественном и природном начале вещей. Беседа»), который помогает очертить действительно фундаментальный характер и значение этой «вечной» тематической рамки для философии как таковой. Подобное обращение к «первым принципам» – важнейшая «краска» и в гегелевском портрете Бруно.

Другая общая черта рассматриваемых портретов определяется документами, источниками, на которые должны были опираться оба эти философские изображения. Разумеется, существовали различия, вырастающие из специфики обоих жанров. В то время как Гегель в своей «Истории философии» – что предполагалось и что он действительно выполнил – должен был ссылаться по крайней мере на некоторые оригинальные тексты Бруно и вторичные источники, Шеллинг в своем теоретическом, метафизическом диалоге был свободен от самой необходимости выполнять такую работу.

Вернемся теперь к информационной ситуации, которую надо принять во внимание. Гегель неоднократно подчеркивает, что в его время (например, в Германии) работы Бруно «вообще редки и часто запрещаются»¹; относительно «его сочинений, написанных на итальянском языке» говорится, что «недавно приступили» к их изданию².

Результат, о котором следует сказать, представляется двойственным.

С одной стороны, эти черты, общие для двух портретов и характеризующие объективные ограниченности библиографической базы, глубоко коренятся в предпосылках, вырастающих из исторически обусловленных знаний о жизни, работах и философии Бруно. Ситуация была драматически осложнена застарелой исторической инерцией, о которой упоминал Гегель:

¹ Гегель Г.В.Ф. Соч.: в 14 т. Т. 11. Кн. 3: Лекции по истории философии. М.; Л., 1935. С. 175.

² Первое немецкое издание итальянских работ Бруно было издано Адольфом Вагнером (A. Wagner) в 1830 г. в Лейпциге; часть латинских произведений опубликовал Август Фридрих Гфрёрер (A.F. Gfrörer) в Штутгарте в 1835 г., т. е. это произошло в самом конце жизни Гегеля или после его смерти.

«Как среди католиков, так и среди протестантов его сочинения выдавались за еретические и атеистические»³. Следовательно, даже в первой половине XIX в. произведения Бруно были частично запрещены, частично преданы забвению. И мы можем видеть, что на судьбу Бруно после его смерти – на весьма долгое время – падал отблеск костра инквизиции. Все это, однако, обрисовывает одну сторону проблемы.

Несмотря на эти факты, которые делают очевидными трудности, ограниченности и противоречия, касающиеся источников и самой возможности исследовать учение Бруно (и именно в Германии), из различных исторических документов ясно, что, с другой стороны, некоторые весьма важные, центральные сочинения итальянского мыслителя, доступные в то время, были использованы; и на них частично были даны ссылки, по крайней мере, в гегелевском портрете⁴.

Более того, очень важная и интересная страница в истории философии такова: ряд фактов свидетельствует о волне интереса к рецепции наследия Бруно в Европе, включая Германию, во второй половине XVIII – начале XIX столетий. В это историческое время оформилась традиция принимать в расчет жизнь, работы, идеи Бруно. Эта традиция была связана с такими именами, как Дж. Толанд, П. Бейль, Д. Дидро (и других, менее известных, философов). Во время Гегеля и Шеллинга в дискурсе о Бруно участвовали такие выдающиеся фигуры, как И.В. Гёте (между прочим, противопоставивший свои положительные оценки той критике в адрес Бруно, которую высказал П. Бейль), И.Г. Гаманн и И.Г. Гердер (в корреспонденции которых обсуждалась тема Бруно), Новалис, историки философии Д. Тидеманн и И.Г. Буле (на работы обоих часто ссылался Гегель)⁵.

Важно упомянуть, однако, что оба мыслителя – и Гегель, и Шеллинг – не анализировали сколько-нибудь основательно вышеупомянутую предшествовавшую или современную им историю («бруноведческой») философии. Так случилось, что в тогдашней Германии главной работой, сквозь призму которой рассматривались судьбы и дело Бруно, было произведение Фр. Якоби, а именно его письма о Спинозе (второе издание этого сочинения), к которому автор присоединил приложение, содержавшее некоторые переведенные и прокомментированные им тексты Бруно. Воздействие этой специальной публикации на философию и культуру неожиданно оказалось весьма сильным. По крайней мере портреты Бруно, выполненные Гегелем и Шеллингом, зависели от публикации Якоби. Исторически корректным представляется заключение В. Байервальтеса, который заключает: сомнительно, что Шеллинг знал иные тексты Бруно кроме тех, которые в своем переводе опубликовал Ф. Якоби⁶.

³ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 175.

⁴ Например, Гегелем были упомянуты философские тезисы Бруно 1588 г., направленные против аристотеликов («*Cameroacensis Acrotismus seu rationes articulorum physicorum adversus Peripateticos Parisiis propositorum*»); Гегель также ссылается на «*De la causa, principio et uno*» и «*De innumerabilibus, immenso et infigurabili, seu De universo et mundis*» и на работы Бруно о Луллиевом искусстве и методе.

⁵ К проблеме этих традиций см. блестящие исследования Саверио Риччи: Ricci S. La fortuna del pensiero di Giordano Bruno, 1600–1750. Firenze, 1990; *Idem*. La ricezione del pensiero di Giordano Bruno in Francia e in Germania. Da Diderot a Schelling // *Giornale critico della filosofia italiana*. 1991. Vol. 70. No. 3. P. 431–465. См. также: Kühlenbeck L. Giordano Brunos Einfluss auf Goethe und Schiller. Lpz., 1907; Saenger W. Goethe und Giordano Bruno: Ein Beitrag zur Geschichte der Goethischen Weltanschauung. B., 1930.

⁶ Beierwaltes W. Identität und Differenz. Fr. a/M., 1980. S. 223.

Как бы то ни было, на фоне таких ограниченных оснований неожиданностью оказалось то, что обобщенное гегелевское изображение вполне релевантно жизни, личности и произведениям Бруно, даже рассмотренным в свете исследований и дискуссий, которые имели место в последующие столетия и были основаны на более полных, систематически собранных и проанализированных оригинальных текстах и документах.

Взгляд Гегеля: Бруно как яркая и героическая личность

Будучи весьма компактным, гегелевское описание личности Бруно тем не менее соответствует не только основным фактам, документам, но и изображениям, оценкам других историков философии и культуры. Бруно объективно портретируется Гегелем как человек с такой же «беспокойной, кипучей душой», какой обладали Кардано, Кампанелла, Ванини и другие мыслители Италии XVI в.⁷ и всей эпохи Ренессанса.

Гегелевский образ личности Бруно можно рассматривать как с энтузиазмом вычерченный портрет «героического энтузиаста», который оказался способным вдохнуть свою «благородную душу» в соответствующие идеи и сочинения. Гегель пишет: что главным образом впечатляет нас в его многочисленных произведениях, так это «прекрасное, восторженное воодушевление благородной души, чувствующей, что в ней пребывает дух, знающей единство своего существа и других существ как цельную жизнь мысли. В охваченности таким глубоким сознанием есть нечто вакхическое: сознание переливается через край, чтобы, таким образом, стать для себя предметом и дать выражение этому богатству»⁸.

Между прочим, этот тип характера, как и тип философии, далеки от какого-либо явного родства с личностью самого Гегеля, натуры, конечно, не лишенной эмоций, но весьма сдержанной, или с его сциентистской, рационалистической философией. Однако поразительный факт заключается в том, что Гегель рисует «переливающееся через край» личностное сознание Бруно с нескрываемым чувством ностальгии, даже восхищения. Более того, Гегель испытывает чувства симпатии и сострадания из-за мученичества, ставшего судьбой этого человека, который «был сожжен на костре за ересь» и который «перенес свою смерть очень стойко»⁹, став героем.

Гегеля в личности Бруно восхищает даже его «беспокойство», «непоседливость»: Бруно, пишет Гегель, «не мог уживаться с *конечным*, дурным, пошлым; отсюда его беспокойство». Гегелевское объяснение этого факта жизни и личности Бруно примечательно: «Великому воодушевлению, которым горела его душа, он жертвовал своим благополучием»¹⁰. Итак, в этом гегелевском изображении речь, в конце концов, идет также о личностных чертах, которые родственны главным мотивам деятельности самих Гегеля и Шеллинга.

Чрезвычайно важно, что именно такое личностное воодушевление, согласно Гегелю, глубоко повлияло на философию Бруно.

⁷ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 174.

⁸ Там же. С. 176.

⁹ Там же. С. 175.

¹⁰ Там же. С. 176.

Гегелевский портрет философии Бруно

С одной стороны, концентрация мыслей и чувств, объединенных «беспокойной душой» Бруно, имела своим результатом, как думает Гегель, в высшей степени продуктивные идеи Ноланца об «универсальной субстанциональности», единстве и целостности всего существующего. Эти идеи Гегель рассматривает как «кардинальные мысли, философские принципы» доктрины Бруно. Гегель чуть ли не с энтузиазмом принимает склонность и воодушевление Бруно, направленные на то, чтобы в своем философском учении преодолеть обособление природы и самосознания. «Содержание его общей мысли составляет величайшая восхищенность жизнью природы, ее божественностью, присутствием в ней разума...». Вдохновленный главным заключением Якоби и следуя ему, Гегель спешит заявить, что философское учение Бруно, несомненно, «в общем» «представляет собой спинозизм, пантеизм»¹¹. Это заявление о «спинозизме» до Спинозы – по меньшей мере дискуссионно. Но проблему «бруновского спинозизма» мы здесь затрагивать не будем¹².

Другую идею Якоби – о том, что, согласно Бруно, «всю вселенную проникает единое живое существо, единая мировая душа, и эта душа есть жизнь всех вещей», – Гегель поддерживает, и тоже с энтузиазмом. Но одновременно он корректирует мнение Якоби вполне уместным замечанием, что «Бруно в этом отнюдь не оригинален», и его учение здесь не что иное, как «отголосок александрийской философии»¹³.

Вторая фундаментальная проблема философии Бруно, обсуждаемая и Гегелем, и Шеллингом, – это вопрос о различии и взаимосвязи понятий материи и формы. Гегель посвящает ей краткое рассмотрение, акцентируя абстрактный философский характер этих понятий: «...материя, благодаря своему тождеству с преобразующим интеллектом (“*nous*” в немецком оригинале. – *Н.М.*), сама также является умпостигаемой как всеобщая предпосылка всего [конкретно] телесного. Так как она представляет собою все, то она не представляет собой чего-либо особого – ни воздуха, ни воды и т. д. (она есть именно абстрактное), она не обладает никакими [определенными] измерениями, чтобы обладать всеми ими. Формы материи суть внутренняя мощь самой материи; она в качестве умпостигаемой сама является целокупностью формы»¹⁴.

В некоторых пунктах подходы Шеллинга к этой же проблеме подобны гегелевским. Но в отличие от Гегеля, Шеллинг в своем Диалоге исследует эту философскую тему в ходе детализированной дискуссии участвующих в ней персонажей. Вот почему уместнее позже использовать соответствующие идеи Шеллинга, чтобы показать, сколь важной для собственной философской доктрины великого немецкого мыслителя становится интерпретация вклада Бруно.

¹¹ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 177.

¹² По проблеме «спинозизма» Бруно до Спинозы – иногда в связи с якобиевской концепцией пантеизма – см.: *Beierwaltes W.* Op. cit. S. 204; *Giancotti E.* Spinoza in Italia tra Illuminismo e Romanticismo. Dall'opposizione al confronto // Studi su Hobbes e Spinoza. Napoli, 1995. P. 211–230. Очень важны работы (и соответствующие дискуссии) по этому вопросу А. Лабриолы, Дж. Джентиле, Б. Спаветты; см. исследование идей Б. Спаветты (*Savorelli A.* Bertrando Spaventa e la via stretta a Spinoza tra Bruno e Hegel // *Giornale critico della filosofia italiana*. 1998. Vol. 77. No. 1. P. 33–43), демонстрирующее, что философия Бруно была спинозизмом «в совершенно объективном смысле» (Р. 37).

¹³ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 177.

¹⁴ Там же. С. 179. (русский перевод скорректирован мною. – *Н.М.*)

Придется опустить рассмотрение той части гегелевского портрета, в которой речь идет о «Луллиевской разновидности метода», *ars combinatoria*, пусть и характерной для мысли Бруно, но требующей совершенно самостоятельной экспозиции.

Общее резюме Гегеля к его философскому портрету Бруно следующее: «Надо признать великим начинанием попытку Бруно мыслить единство. Второй частью его замысла была попытка понять универсум в его развитии, в системе его определений и показать, как внешнее является знаком идей. Это те две стороны, которые мы должны были отметить в философии Бруно»¹⁵.

Шеллинг: диалог «Бруно» как программное и парадигмальное произведение

Значение, которое я хотела бы придать диалогу Шеллинга «Бруно», более важное и существенное, чем то, которое отводится ему в учебниках, и даже в специальных произведениях, посвященных немецкой философии, в том числе тех, которые рассматривают учение Шеллинга¹⁶. Тем не менее в мировой литературе были предприняты исследования, более основательно анализирующие Диалог, где высказывалась – пусть не всегда четко и ясно – идея его программного и парадигмального значения. Наиболее значительный вклад комментаторов, прежде всего итальянских (в дальнейшем рассмотрении упоминаемых), связан со следующими линиями исследований, создавших солидные предпосылки для современного изучения связи философской мысли Бруно и Шеллинга.

1. Этими комментаторами было показано, что Диалог, будучи определенной стадией раннего философского развития Шеллинга, может рассматриваться как интегральная часть формирования его системы трансцендентального идеализма, в данной связи взятого в самый момент его рождения и первой презентации¹⁷.

2. Диалог Шеллинга анализировался текстологически – в отношении к его «Введению к идеям философии природы» («*Einleitung zu den Ideen zu einer Philosophie der Natur*», 1797), «Первый набросок системы натурфилософии» («*Erster Entwurf eines Systems der Naturphilosophie*», 1799) – и особенно к «Системе трансцендентального идеализма» («*System des transzendentalen Idealismus*», 1800). Напомню, что Диалог, задуманный и написанный практически в то же время, что и «Система», был опубликован немного позднее, в 1802 году.

3. Диалог был поставлен комментаторами в более конкретный контекст философского развития Шеллинга – например, связан с полемикой Шеллинга против Фихте, после которой были разорваны их личные отношения.

Используя результаты этих исследований, я намереваюсь далее сконцентрировать внимание на взаимосвязанных моментах теоретического рассмотрения, относящихся, по моему мнению, к центральным темам философских портретов Бруно, созданных Гегелем и Шеллингом.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 188.

¹⁶ Например, в российских историко-философских работах об учении Шеллинга мы найдем разве что весьма компактные, на 1–2 страницы, ремарки о «Диалоге»: Гулыга А. Шеллинг. М., 1982. С. 115–116; Лазарев В. Шеллинг. М., 1976. С. 146. То же самое в немецких популярных книгах о Шеллинге, в том числе известных авторов: Baumgartner H.M., Korten H. Friedrich Wilhelm Joseph Schelling. München, 1996. S. 51 (2 строчки о «Диалоге»).

¹⁷ Ricci S. La ricezione del pensiero di Giordano Bruno in Francia e in Germania. P. 448–461; Massolo A. Il primo Schelling. Firenze, 1953. P. 152–155; Tilliette X. Schelling. Une philosophie en devenir. Vol. I. P., 1970. P. 64.

Но вначале необходимо охарактеризовать специфику методов рассмотрения и дискуссии, выработанных Шеллингом в его Диалоге. И здесь придется вступить в полемику с некоторыми авторами, подходы которых к Диалогу я считаю стереотипными, требующими критики.

Участники Диалога в литературе часто описываются как защитники и сторонники некоторых философских позиций, представленных типологически. Так, Ансельмо (согласно также *post scriptum* Шеллинга¹⁸), как кажется комментаторам, с самого начала предназначен выражать, главным образом, подход Лейбница к обсуждаемым проблемам. «Фихтевский идеализм», согласно некоторым авторам (А. Гулыга), защищает персонаж по имени Луциан. Один участник, названный именем Бруно, именно благодаря этому имени, как кажется, предопределен к тому, чтобы сообщать идеи Бруно или, как обнаруживается, выражать скорее мысли самого Шеллинга. Но в действительности распределение интеллектуальных ролей, которые персонажи играют в Диалоге, более сложное, ибо Шеллинг предназначает четырех участников, во-первых, к выполнению, скорее, общих теоретических функций, чем как-то «персонифицированных» ролей («платоника» или приспешника Лейбница, Фихте и т. д.) и, во-вторых, к исполнению команд самого Шеллинга говорить то, что он хочет вложить в их уста, и делать это в той части (или в тот «момент») диалога, в которой или когда он предписывает им появиться.

Каждому персонажу Шеллингом вверены, таким образом, некоторые конкретные философские функции. Так, Александр, как предполагается, излагает историю философии, на долю которой выпала и все еще выпадает задача открыть «вечное», «божественное» значение понятия «материя». Ансельмо вверена задача объяснить сущность учения об интеллигибельном мире. Луциану и Бруно поручено отвечать за исследование противостояния материализма и идеализма. Кроме того, Ансельмо поручено обеспечить распределение ролей других персонажей.

Я не собираюсь отрицать, что под именем «Бруно» и в высказываниях этого персонажа Шеллинг пытался как-то сконцентрировать идеи, действительно принадлежавшие «тезке», Бруно как реальной исторической личности. Но главным образом в Диалоге представлены собственные мысли Шеллинга, подчас только отдаленно связанные (а порой вовсе и не связанные) с идеями, тезисами, собранными в целостном корпусе учения и работ Бруно. Между прочим, задача прочертить корреляцию между подлинными идеями конкретного философа (и того или иного его сочинения), с одной стороны, и их рассмотрением в Диалоге Шеллинга, с другой – в высшей степени трудная, если вообще выполняемая.

Несколько облегчает выполнение подобных задач следующая специфическая черта рассматриваемого произведения: все конкретные позиции, теории, концепции, как они предстают именно в Диалоге (независимо от степени их сходства с тем или иным конкретным учением в истории философии), осмыслены Шеллингом с точки зрения их «лучшей» логической, теоретической формы, в их интегрированности и, следовательно, в их по крайней мере частичной позитивной значимости для философии как таковой. Шеллинг не проявляет склонности ни придавать очерчиваемым идеям статус неких принципиальных философских ошибок, которые просто заслуживают быть

¹⁸ См.: Шеллинг Ф.В.Й. Бруно, или О божественном и природном начале вещей. Беседа // Шеллинг Ф.В.Й. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 587.

отброшенными, ни уделять внимание той или иной философской теории или позиции, которую нельзя было бы проверить согласно строжайшим критериям философской и логической доказательности.

Кроме того, во всех специфических случаях Шеллингова рассмотрения его мысль развивается согласно общим правилам, методам трансцендентального идеализма, основательно представленным и проверенным в его «Системе трансцендентального идеализма».

Подытожим обоснование методологического инструментария, примененного Шеллингом в рамках этого типа «трансценденталистской» истории философии и, в частности, запечатленного в Диалоге.

1. Все идеи, будучи конструкциями человеческого ума, не должны быть смешиваемы, настаивает Шеллинг, с вещами и процессами мира. Например, он пишет: «Материя – не тело...»¹⁹.

2. Философские понятия, идеи, созданные и используемые как абстракции высокого уровня, могут быть соотнесены с такими вещами и процессами мира, но только в конечном счете и исключительно через сложнейшую цепь взаимосвязанных понятий и процедур.

3. Важнейшей целью теоретического анализа фундаментальных и «вечных» понятий, категорий философии Шеллинг, как я думаю, считает открытие особых функций, которые эти понятия (соответственно – учения) должны выполнять в системе научной философии и – более широко – в целостности человеческой культуры.

Такие подходы определенного числа философов, последовавших за трансценденталистскими принципами Канта, имеют тенденцию быть оцененными в качестве корректных – с точки зрения истории философии, а также философии как таковой²⁰. Далее мы проанализируем, как Шеллинг применил эти фундаментальные методы к тем проблемам Диалога, которые в самом деле имеют отношение к философии Бруно.

Единство как главная категория в философской картине универсума (Бруно – Гегель – Шеллинг)

Прежде всего, хотелось бы здесь с самого начала кратко представить свое понимание типа существенной теоретической, иногда персоналистски окрашенной, связи философских учений Бруно, Гегеля, Шеллинга и других философов со времени античности до наших дней. Она существует несмотря на исторические дистанции, на все различия, которые легко продемонстрировать. Итак, между рассматриваемыми философскими учениями существует прочное родство.

Какого типа это родство? Разумеется, речь не о зависимости и последовательности идей, как в случае «учитель – ученик». Это очевидно применительно к Гегелю и Шеллингу, которые не продемонстрировали, даже на ранних стадиях своего развития, какой-либо склонности просто последовать за тем или иным философом, сколь бы великим он ни был. Как раз наоборот: легко показать, что точно в то время, когда писался Диалог, Шеллинг был движим сильнейшей мотивацией найти оригинальные, новые пути в философии.

¹⁹ Шеллинг Ф.В.Й. Указ. соч. С. 571.

²⁰ Я считаю эти методы и подходы неустраняемыми компонентами философии, см.: Мотрошилова Н.В. «Идеи Ю» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003. С. 541.

Аналогично этому, различия в подходах, идеях, стиле мысли Платона и неоплатоников, Бруно и других философов эпохи Ренессанса и Гегеля и Шеллинга более чем очевидны. Применительно к Бруно различия неоднократно подчеркивались, например, Гегелем в его чисто рационалистических замечаниях о том, что у Бруно «изложение получает часто вид чего-то смутного, запутанного, аллегорического, какой-то мистической фантастики»²¹.

Линии родства, которые я хочу прочертить, связаны со стремлением философов от Платона и Плотина через Бруно, Гегеля, Шеллинга до мыслителей последнего и нашего столетий создать всеобщее воззрение, видение Универсума, Природы, которое уникально, оригинально в случае каждого великого философа, но в то же время встраивается в цепь взаимосвязанных и взаимодополнительных теоретических и, возможно, культурных проектов мысли. Родство между этими уникальными философскими образцами было и остается детерминированным (по моему мнению) необходимостью развить всеобщее мировоззрение, *Weltanschauung*, рассмотрение Универсума, Природы как: 1) неразрывно объединенных с Богом, Разумом, Мировым духом (*Geist*), Мыслью и 2) диалектически единых с целостностью открытых и возможных различий, включая те, которые имеют идеальный, категориальный характер.

Таким образом, Гегель, Шеллинг (разумеется, также Фихте и другие фигуры немецкой диалектической мысли) включили собственное видение таких традиционных линий мысли в корпус своих работ, которые стали великими достижениями мировой диалектической философии.

Попытаюсь подтвердить эти общие оценки, проанализировав более конкретную проблему Диалога, а именно проблему «материи» и «формы».

Единство «материи» и «формы»

Резюмируем главные идеи Диалога Шеллинга, касающиеся «материи» и «формы». Между прочим, эти идеи были выражены не Бруно как вышеупомянутым персонажем Диалога, – эту роль Шеллинг отвел Александру, ошибочно названному некоторыми комментаторами «материалистом» лишь потому, что Шеллинг вверил ему задачу продемонстрировать «вечную» и неустраняемую роль «материи» как философской категории. (Что, кстати, мог сделать и добросовестный идеалист.)

Прочитую то, что сказал Александр (вернее, что «велел» ему сказать Шеллинг): «...идея материи находится не там, где органическое и неорганическое уже разделились, а там, где они вместе и едины. Поэтому узреть это можно не чувственным, а только интеллектуальным взором»²².

Таким образом, когда Шеллинг рассуждал о «материи как таковой», на деле он имел в виду интеллектуальные, идеальные, синтетически помысленные функции, которые «материя» как специфическое философское понятие (и соответствующее учение) должна выполнять в философии вне зависимости от определенного исторического времени и конкретных обстоятельств, воздействующих на того или иного мыслителя.

Каковы же эти функции?

а) Понятие «материя» должно, как думает Шеллинг, выражать то, что объединяет все вещи; выражать различия между ними – функция понятия «формы»²³.

²¹ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 176.

²² Шеллинг Ф.В.Й. Указ. соч. С. 569.

²³ Там же. С. 570.

б) Говорить о «материи как таковой» – значит в философии Шеллинга не что иное, как раскрывать центральную теоретическую функцию самого этого понятия. В материи самой по себе, т. е. в качестве такового понятия, согласно Шеллингу, «нет многообразия. Она содержит (разумеется, не в чисто физическом смысле, а в потенции, интеллигибельно. – Н.М.) все вещи, но именно поэтому неразличимыми, неразделенными как замкнутую в себе возможность»²⁴. Согласно формуле Шеллинга, «материя» – это сложный и даже парадоксальный символ «совершенства в (своей) бедности»²⁵. Поэтому особая тонкость философской мысли в случае материи должна состоять в способности того или иного философа не изначально включать в это понятие целостность конкретных характеристик, а двигаться мыслью на уровне «нищеты», «бедности» дефиниций, описаний, образов.

с) Эти интеллигибельные «описания» «материи» неразделимо связаны с понятиями «формы», «формы всех форм», «сущности», «вещей», «абсолюта», каждое из которых играет свою особую роль в цепи теоретических понятий, благодаря коей и может быть сконструировано общее философское мировоззрение (*Weltanschauung*).

Шеллингово суммирование этих принципиальных концептуальных отношений дается именно в Диалоге, и оно таково: «Следовательно, посредством формы всех форм абсолютное *может быть* всем, посредством сущности оно *есть* все. *Конечные вещи* как таковые суть, правда, во всякое время то, чем они в это мгновение могут быть, но не то, чем они могли бы быть в своей сущности. Ибо сущность в них всегда бесконечна, поэтому в конечных вещах форма и сущность различны, первая конечна, вторая бесконечна. То, в чем сущность и форма совершенно едины, есть всегда то, чем оно может быть в любое мгновение и сразу, без временного различия; но таковым может быть только единое (курсив мой. – Н.М.)»²⁶.

Форма всех форм, «рассмотренная абсолютно», не должна, по Шеллингу, противопоставляться «материи» – только вместе они способны образовывать комплексное единство. Что же касается конкретных индивидуальных вещей, то «форма всех форм» противостоит всем им – и это конкретный пример, демонстрирующий, в понимании Шеллинга, противоречие и единство конечного и бесконечного.

Единство, а с определенной точки зрения тождество материи и формы, Шеллинг в диалоге описывает с помощью красноречивых образов: «материя жаждет формы, как женщина жаждет мужчины, и предана ей»²⁷. Вот почему пифагорейцы, напоминая Шеллинг, именовали «форму отцом, материю же – матерью всех вещей»²⁸.

И вот все такие принципиальные, изначальные философские подходы были, по словам Шеллинга, убиты временем, «которое все убивает». В частности «была убита материя и грубое изображение убило сущность... тем самым были уничтожены внутреннее единство и родство всех вещей, мир расщеплен на большое количество фиксированных различий, в результате чего возникло общее представление, согласно которому живое целое подобно некоему складу или жилищу, где помещены вещи, не причастные друг другу, не живущие одна в другой»²⁹.

²⁴ Шеллинг Ф.В.Й. Указ. соч. С. 569–570.

²⁵ Там же. С. 570.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 571.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 573.

Вследствие этого, продолжает Шеллинг, материя, которая стала мертвой, и «всеобщий дух» Природы, который должен быть формой всех форм, превратились в «телесное существо», подчиненное механическим разделениям и сведенное к мертвым механическим движениям³⁰.

Таково Шеллингово лапидарное критическое описание подходов механистического материализма, о котором он говорит как о «безумии», способном «умертвить» материю и подтвердить ее смерть.

Теперь становится ясно, почему – по контрасту с более поздней «механистической» философией – Шеллинг и Гегель так высоко оценивают подходы, описания, образы Бруно. В его философии различные сущности и понятия, подобные истине и красоте, «равно необусловлены, ни одна не зависит от другой и не подчинена ей, каждая для себя самой есть высшее, так что они – одно и то же, одно может быть поставлено на место другого; и произведение, которое выражает первый из пунктов, с полностью равным основанием может быть рассмотрено в свете обоих свойств»³¹.

Саверио Риччи пишет: «На пространстве от платонизма до спинозизма, от метафизики света до теории взаимосвязи между *natura naturans* и *natura naturata* Шеллинг приписывает вечные образцы эмпирической реальности “архетипической природе, или Богу”: “Если мы назовем природу, – вопрошает Ансельмо, – в той мере, в какой она – живое зеркало, в котором даны исконные образы всех вещей, первообразной, а природу в той мере, в какой она выражает эти образы в субстанции, производящей, то, скажи, должны ли мы мыслить подчиненной закону времени и механизма первообразную или производящую природу?”»³².

Ответ на этот скорее риторический вопрос Ансельмо (здесь – и на вопрос Шеллинга) ясен и предопределен. Его можно дать, обратившись к Бруно, который в своих диалогах («О героическом энтузиазме», «О причине...» и др.) создал насыщенное многими измерениями красочное понимание и описание природы, формы, материи, истины, красоты, проникнутое духовностью и обогащенное символами жизни, движения, света, единства, родства форм и сущностей.

Вполне ясно, до какой степени философия Бруно уникальна и вследствие этого не может быть повторена или симитирована. Но «дух» (*Geist*), живущий в ней, нужно сохранить – таково умонастроение и Гегеля, и Шеллинга. В то же время, как было сказано ранее, произошло плодотворное «оживление» других традиций философии, важных и для Бруно, и для Гегеля и Шеллинга³³. И, возможно, важных для тех из нас, современных философов, кто хотел бы внести вклад в создание новой философии жизни, единства, целостности, философии, свободной от редукционизма и механицизма.

Приходится здесь опустить многие темы, существенные для проблемы рецепции философии Бруно у Гегеля и Шеллинга, в частности (восходящий к традициям Николая Кузанского и его теории *coincidentia oppositorum*) анализ вопроса о единстве и противостоянии противоположностей.

³⁰ Шеллинг Ф.В.Й. Указ. соч. С. 573.

³¹ Schelling F.W. *Ausgewählte Werke*. Bd. III: *Schriften von 1801–1804*. Darmstadt, 1973. S. 114.

³² Ricci S. *La ricezione del pensiero di Giordano Bruno in Francia e in Germania*. P. 453. Пер. Шеллинга цит. по: Шеллинг Ф.В.Й. Бруно, или О божественном и природном начале вещей. С. 495.

³³ В этом отношении весьма важна проблема связи философии Бруно, соответственно, Гегеля и Шеллинга с платоновской или неоплатонической традициями. По данному вопросу см., напр.: Beierwaltes W. *Platonismus und Idealismus*. Fr. a/M., 1972. S. 100ff., 201, 206, 221, 232ff.; *Idem*. Schelling und Plotin // Plotino e il neoplatonismo in Oriente e in Occidente: atti del Convegno internazionale (Roma, 5–9 ottobre 1970). Roma, 1974. P. 605–618; Holz H. *Spekulation und Faktizität. Freiheitsbegriff des mittleren und späten Schelling*. Bonn, 1970; Veillard-Baron J.-L. *Platon et l'idéalisme allemand (1770–1830)*. P., 1979.

Приведу еще одну замечательную цитату С. Риччи, который – в свою очередь – цитирует Бруно: «...“для того, чтобы проникнуть в глубочайшие тайны природы, надо неустанно исследовать противоположные и противоборствующие пределы вещей; найти точку соединения еще не главное, подлинная и глубочайшая тайна искусства состоит в том, чтобы вынести из этой точки и ее противоположность”³⁴. Эти слова Бруно, переданные по-немецки Якоби, Шеллинг считает “истинным символом подлинной философии”³⁵.

Заключение

В комплексе проблем, касающихся рецепции философии Бруно великими немецкими философами Гегелем и Шеллингом, есть одна, которая не лежит на поверхности специальных знаний и редко дискутируется в соответствующей литературе. Это проблема свободы.

В этом конкретном случае ситуация противоречива, она осложнена конкретными и общими историческими обстоятельствами. Прежде всего, Бруно, подвергшийся преследованиям и ставший жертвой инквизиции, не мог выступить в роли философа, которому было бы позволено открыто защищать принцип свободы и тем более положить этот принцип в основание философии. Что же касается Гегеля и Шеллинга, то нужно принять во внимание эволюцию их философских воззрений и позиций. В юности они испытали сильное влияние свобододобивых ценностей и лозунгов французской революции. На зрелых стадиях их интеллектуального развития и Гегель, и Шеллинг действительно создали свои образцы философии свободы.

Но в начале их творческого пути (когда Шеллинг, в частности, писал свой Диалог) систематическая философия свободы еще не была создана ни Шеллингом, ни Гегелем. Однако же проекты такой философии уже вызревали в их умах. Вот почему Шеллинг в 1807 г. уже смог опубликовать свою программную работу «Философское исследование о сущности человеческой свободы».

Вполне возможно поразмышлять над тем, как образ и пример Бруно мог вдохновлять обоих немецких мыслителей на их пути к философии свободы. В их время уже были усвоены исторические уроки, о которых в эпоху Бруно лишь немногие люди могли догадываться или мечтать о них, как делал этот мученик и герой. Но к началу XIX века (несмотря на все разочарования) многим людям, включая философов, стало ясно: с точки зрения исторической перспективы, «суда истории», победителем, как выяснилось, стала не инквизиция, а непокорившаяся жертва, Бруно. Живший в условиях подавления свободы, попавший в лапы смерти, Бруно прославился прежде всего как человек, который сохранил верность своим принципам и убеждениям, не поступился своим личным достоинством³⁶.

Возможно, еще более поучительный урок, усвоенный Гегелем и Шеллингом, как и мыслителями более поздних эпох, касался философии Бруно. Они поняли, что эту философию не смогли уничтожить ни костер инквизиции, ни смена ис-

³⁴ Шеллинг Ф.В.Й. Указ. соч. С. 584.

³⁵ Ricci S. La ricezione del pensiero di Giordano Bruno in Francia e in Germania. P. 458.

³⁶ Об этой драматической, трагической истории борьбы свобододобивой личности против идеологической и институциональной диктатуры я в 1970 г. написала книгу, которую невозможно было опубликовать при советской власти. Часть ее – «Бруно и инквизиция» – была опубликована только через 20 лет, во время перестройки, см.: Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. Изд. 2-е, доп. М. 2010. С. 285–333.

торических эпох. Идеи и произведения Бруно не были сданы в архив, ad acta, и оказались включенными в преемственное развитие философской и культурной истории неувыдающих, потому что новаторских, идей. Все эти события подтверждали истину, в которую всегда верили или на которую всегда надеялись философы: настоящая философия, заслуживающая своего высокого имени, есть обитель свободы, которая способна, по крайней мере в более позднее время, поднять выдающиеся личности и их интеллектуальные свершения над неблагоприятными условиями исторического места и времени, перенести славные имена, яркие идеи в трансисторические, в этом смысле «вечные» интеллигбельные сферы, поместить их в «сокровищницу» философии и культуры.

Список литературы

- Гегель Г.В.Ф.* Соч.: в 14 т. Т. 11. Кн. 3: Лекции по истории философии / Пер. с нем. Б. Столпнера. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. 527 с.
- Гулыга А.В.* Шеллинг. М.: Мол. гвардия. 1982. 317 с.
- Лазарев В.В.* Шеллинг. М.: Мысль. 1976. 199 с.
- Мотрошилова Н.В.* «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология–Герменевтика, 2003. 720 с.
- Мотрошилова Н.В.* Рождение и развитие философских идей. Изд. 2-е, доп. М.: Канон+, 2010. 488 с.
- Шеллинг Ф.В.Й.* Бруно, или О божественном и природном начале вещей. Беседа // *Шеллинг Ф.В.Й.* Соч.: в 2 т. Т. 1 / Пер. с нем. М.И. Левиной. М., 1987. С. 490–588.
- Baumgartner H.M., Korten H.* Friedrich Wilhelm Joseph Schelling. München: C.H. Beck, 1996. 261 S.
- Beierwaltes W.* Identität und Differenz. Fr. a/M.: Vittorio Klostermann, 1980. 328 S.
- Beierwaltes W.* Platonismus und Idealismus. Fr. a/M.: Klostermann, 1972. 228 S.
- Beierwaltes W.* Schelling und Plotin // Plotino e il neoplatonismo in Oriente e in Occidente: atti del Convegno internazionale (Roma, 5–9 ottobre 1970). Roma, 1974. P. 605–618.
- Giancotti E.* Spinoza in Italia tra Illuminismo e Romanticismo. Dall'opposizione al confronto // Studi su Hobbes e Spinoza / A cura di D. Bostrenghi e C. Santinelli. Napoli, 1995. P. 211–230.
- Hegel on Giordano Bruno / Trans. by E.D. Mead // The Journal of Speculative Philosophy. 1886. Vol. 20. P. 206–219.
- Holz H.* Spekulation und Faktizität. Freiheitsbegriff des mittleren und späten Schelling. Bonn: Bouvier, 1970. 508 S.
- Kuhlenbeck L.* Giordano Brunos Einfluss auf Goethe und Schiller. Lpz.: T. Thomas, 1907. 27 S.
- Massolo A.* Il primo Schelling. Firenze: G.C. Sansoni, 1953. 179 p.
- Ricci S.* La fortuna del pensiero di Giordano Bruno, 1600–1750. Firenze: Le Lettere. 1990. 408 p.
- Ricci S.* La ricezione del pensiero di Giordano Bruno in Francia e in Germania. Da Diderot a Schelling // Giornale critico della filosofia italiana. 1991. Vol. 70. No. 3. P. 431–465.
- Saenger W.* Goethe und Giordano Bruno: Ein Beitrag zur Geschichte der Goethischen Weltanschauung. B.: Ebering, 1930. 271 S.
- Savorelli A.* Bertrando Spaventa e la via stretta a Spinoza tra Bruno e Hegel // Giornale critico della filosofia italiana. 1998. Vol. 77. No. 1. P. 33–43.
- Schelling F.W.* Ausgewählte Werke. Bd. III: Schriften von 1801–1804. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. 738 S.
- Tilliette X.* Schelling. Une philosophie en devenir. Vol. I. P.: Vrin, 1970. 658 p.
- Viellard-Baron J.-L.* Platon et l'idéalisme allemand (1770–1830). P.: Beauchesne, 1979. 408 p.

Hegel and Schelling on Bruno: two philosophical portraits set against the scenery of the age and eternity

Nelly Motroshilova

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: motroshilova@yandex.ru

The two philosophical images of Giordano Bruno as a 'heroic character' and the corresponding representations of his ideas about 'the life of the whole' created, respectively, by Hegel (in his lectures on the *History of Philosophy*) and by Schelling (in the dialogue *Bruno*), are brought into consideration in their paradigmatic significance for the history of contemporary philosophy. The central point in Hegel's understanding of Bruno's role in the history of philosophy is the idea of an affinity between Bruno's personality and the philosophical principle of 'absolutely universal unity of all things' avowed in his writings. The dialogue *Bruno* is considered here as one of the important waymarks of Schelling's early philosophical development which attains a transhistorical paradigmatic significance for all philosophers striving after ultimate unity of world and thought, 'matter' and 'form', nature and human being.

Keywords: Bruno as a heroic character; affinity between Bruno's personality and the principles of his philosophy; unity as the main category in the philosophy of the Universe

References

- Baumgartner, H.M. und Korten, H. *Friedrich Wilhelm Joseph Schelling*. München: C.H. Beck, 1996. 261 S.
- Beierwaltes, W. "Schelling und Plotin", *Plotino e il neoplatonismo in Oriente e in Occidente: atti del Convegno internazionale (Roma, 5–9 ottobre 1970)*. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 1974, pp. 605–618.
- Beierwaltes, W. *Identität und Differenz*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1980. 328 S.
- Beierwaltes, W. *Platonismus und Idealismus*. Frankfurt am Main: Klostermann, 1972. 228 S.
- Giancotti, E. "Spinoza in Italia tra Illuminismo e Romanticismo. Dall'opposizione al confronto", *Studi su Hobbes e Spinoza*, a cura di D. Bostrenghi e C. Santinelli. Napoli: Bibliopolis, 1995, pp. 211–230.
- Gulyga, A. *Schelling*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1982. 317 pp. (In Russian)
- Hegel, G.W.F. *Sochineniya*, Tom 11/3: Lektsii po istorii filosofii [Selected Writingsm, Vol. 11/3: Lectures on the Philosophy of History], trans. by B. Stolpner. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz Publ., 1935. 527 pp. (In Russian)
- Holz, H. *Spekulation und Faktizität. Freiheitsbegriff des mittleren und späten Schelling*. Bonn: Bouvier, 1970. 508 S.
- Kuhlenbeck, L. *Giordano Brunos Einfluss auf Goethe und Schiller*. Leipzig: T. Thomas, 1907. 27 S.
- Lazarev, V. *Schelling*. Moscow: Mysl' Publ., 1976. 199 pp. (In Russian)
- Massolo, A. *Il primo Schelling*. Firenze: G.C. Sansoni, 1953. 179 pp.
- Mead, E.D. (tr.) "Hegel on Giordano Bruno", *The Journal of Speculative Philosophy*, 1886, Vol. 20, pp. 206–219.
- Motroshilova, N. 'Idei I' Edmunda Gusserlya kak vvedenie v fenomenologiyu. ['Ideas I' of Edmund Husserl as an Introduction to Phenomenology]. Moscow: Fenomenologiya–Germenevtika Publ., 2003. 720 pp. (In Russian)
- Motroshilova, N. *Rozhdenie i razvitie filosofskikh idei* [The Birth and Development of Philosophical Ideas], 2nd ed. Moscow: Kanon + Publ, 2010. 488 pp. (In Russian)
- Ricci, S. *La fortuna del pensiero di Giordano Bruno, 1600–1750*. Firenze: Le Lettere. 1990. 408 p.

Ricci, S. "La ricezione del pensiero di Giordano Bruno in Francia e in Germania. Da Diderot a Schelling", *Giornale critico della filosofia italiana*, 1991, Vol. 70, No. 3, pp. 431–465.

Saenger, W. *Goethe und Giordano Bruno: Ein Beitrag zur Geschichte der Goethischen Weltanschauung*. Berlin: Ebering, 1930. 271 S.

Savorelli, A. "Bertrando Spaventa e la via stretta a Spinoza tra Bruno e Hegel", *Giornale critico della filosofia italiana*, 1998, Vol. 77, No. 1, pp. 33–43

Schelling, F.W. "Bruno, ili O bozhestvennom i prirodnom nachale veshchei" [Bruno, or On the Natural and Divine Principle of Things], trans. by M. Levina, in: F.W. Schelling, *Sochineniya* [Selected Writings], vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1987, pp. 490–588. (In Russian)

Schelling, F.W. *Ausgewählte Werke*, Bd. III: Schriften von 1801–1804. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. 738 S.

Tilliette, X. *Schelling. Une philosophie en devenir*, Vol. I. Paris: Vrin, 1970. 658 pp.

Vieillard-Baron, J.-L. *Platon et l'idéalisme allemand (1770–1830)*. Paris: Beauchesne, 1979. 408 pp.